

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Арс. И. Введенскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе М. П. Мельникова.

—
1900

А. С. ГРИБОЉДОВЪ

и его „Горе отъ ума“.

Въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго вѣка въ русской читающей публикѣ стали расходиться рукописные списки комедіи „Горе отъ ума“, скоро сдѣлавшей имя своего автора, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, знаменитымъ. Только десять лѣтъ спустя, въ 1833 г., комедія эта появилась въ печати, не многимъ раньше она была поставлена на сценѣ; но вся образованная Россія и по рукописямъ знала ее наизусть, а отдѣльныя фразы ея сдѣлались пословицами.

Какъ все великое, „Горе отъ ума“ имѣло и враговъ. Тогдашній вліятельный журналъ „Вѣстникъ Европы“, мнившій себя единственнымъ представителемъ европейской образованности въ тогдашней Россіи, отнесся къ комедіи съ полнымъ осужденіемъ, находя нехорошимъ и ея языкъ, тогда какъ этотъ языкъ очень приближается къ разговорному, и ея содержаніе, особенно же неудачнымъ считая ея главнаго героя, Чацкаго. На самомъ дѣлѣ, хотя на комедіи и отражается вліяніе мольеровскаго „Мизантропа“, это было произведеніе необыкновенное, полное оригинальности и самобытности, какъ въ отношеніи языка и формы, такъ и воззрѣній, которыя авторъ вложилъ въ комедію. И именно это-то обстоятельство, что комедія не подходила подъ установившіеся мнѣнія и шаблоны, а была отраженіемъ глубокой самостоятельной духовной, умственной жизни автора, передавала его собственныя,

выношенные имъ самимъ мысли и сомнѣнія—это-то именно и вызывало, какъ обыкновенно бываетъ, нападенія со стороны людей, считавшихъ себя единственными представителями истины.

Чтобы понять вполне все значеніе безсмертной комедіи Грибоѣдова, нужно принять во вниманіе время, когда она была написана. То было время, когда литература, въ истинномъ смыслѣ этого слова, еще только возникала въ нашемъ отечествѣ, когда еще собирались только матеріалы и средства для нея. Въ Жуковскомъ и Батюшковѣ, главнѣйшихъ тогдашнихъ дѣятеляхъ русской литературы, русская жизнь и русскій умъ еще не получали своего отраженія, въ нихъ преобладалъ заимствованный западно-европейскій романтизмъ; для Пушкина еще только приближалась пора расцвѣта его гениальнаго дарованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность созданія имъ великихъ національных произведеній, которыя должны были лечь въ основаніе всей русской литературы. И въ это-то время появляется „Горе отъ ума“, обладающее всѣми качествами произведенія зрѣлой литературы, совершенно независимое, свободное и по формѣ, и по содержанію.

Авторъ его является передъ нами какъ бы стоящимъ внѣ тогдашнихъ условій литературы. Когда все еще смотрѣло на Западъ, на европейскія литературы, ища тамъ и формъ, и содержанія, когда и Пушкинъ еще не освободился отъ подобнаго вліянія, Грибоѣдовъ въ своемъ произведеніи не былъ ни романтикомъ, ни сентименталистомъ, ни чѣмъ-либо инымъ; онъ — самъ-по-себѣ, онъ взрослый и самостоятельный умъ, совершенно свободный отъ заботъ о томъ, какое направленіе — европейское или иное — будетъ въ его произведеніи, онъ просто высказываетъ въ формѣ комедіи то, о чемъ онъ думалъ много и страстно, что заставляло страдать его впечатлительную душу. Если бы подобное произведеніе было написано послѣ Пушкина и Гоголя, когда русская литература уже являлась дѣйствительнымъ отраженіемъ русской жизни и была самостоятельна, оно осталось бы великимъ произведеніемъ, но появленіе его все же не могло бы вызывать удивленія; для своего же момента оно было явленіемъ изумительнымъ, обнаруживающимъ въ своемъ авторѣ необыкновенное дарованіе.

Не для своего только момента, однако, имѣло „Горе отъ ума“ великое значеніе. Прошло значительно болѣе, чѣмъ полвѣка, со времени его появленія, но оно остается свѣжимъ, неувыдающимъ и для современнаго читателя, потому что въ немъ, помимо временныхъ чертъ русской жизни, захвачены глубокіе корни душевной жизни вообще, зрѣлице которой всегда будетъ интересно для живого и мыслящаго человѣка.

Въ комедіи, какъ извѣстно, представленъ русскій человѣкъ высшаго сословія, отвыкшій во время долгаго путешествія за границей отъ русской жизни, зрѣлице которой теперь вызываетъ въ немъ страстное негодованіе. Человѣка этого, въ которомъ авторъ отразилъ себя, свои думы, свое негодованіе, критика упрекала въ недостаткѣ ума и такта, страннымъ образомъ считая его въ этомъ отношеніи противоположностью автору, котораго онъ, какъ это все признавали, изображалъ. Даже гениально-проницательный Пушкинъ — и тотъ сказалъ, что Чацкій совсѣмъ не уменъ, въ то время какъ Грибоѣдовъ очень уменъ. Мнѣніе это имѣетъ свои основанія въ положеніи и въ дѣйствіяхъ Чацкаго въ комедіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ истинно умнаго человѣка, навязывающаго, какъ дѣлаетъ это Чацкій, совсѣмъ некстати свои страстные мысли завѣдомо неспособному понять его человѣку, и это производитъ на читателя впечатлѣніе противозстетическое, это кажется некрасивымъ и невѣрнымъ дѣйствительности.

Въ сущности, въ этомъ осужденіи Чацкаго—простое недоразумѣніе, основанное на чисто вѣшнемъ и не важномъ—если хотите—недостаткѣ безсмертной комедіи. Дѣло въ томъ, что самый замыселъ автора дѣлалъ такое положеніе для Чацкаго неизбѣжнымъ. Въ лицѣ Чацкаго авторъ хотѣлъ изобразить человѣка съ извѣстнымъ, очень характернымъ отношеніемъ къ русской тогдашней жизни, и это отношеніе, это негодованіе его при видѣ совершающихся передъ нимъ нелѣпостей, нельзя было выразить иначе, какъ путемъ монологовъ, заставивъ Чацкаго говорить и обнаруживать этимъ путемъ свои мысли и чувства. Чацкій поневолѣ, по самому ходу и характеру комедіи, долженъ быть говорливъ. Но, какъ из-

вѣстно, монологи, длинныя рѣчи, часто съ самимъ собою, въ драматическихъ произведеніяхъ имѣють условное значеніе, — ими выражается обыкновенно не то только, что дѣйствующее лицо дѣйствительно должно говорить въ пьесѣ, а то, что оно думаетъ и чувствуетъ въ данный моментъ, потому что другого средства выразить эти думы и чувства въ драматическомъ произведеніи нѣтъ, кромѣ монологовъ. Чацкій именно и занимаетъ въ комедіи такое положеніе, что большинство рѣчей его, которыя онъ не имѣлъ нужды обращать къ дѣйствующимъ лицамъ, должны быть понимаемы именно въ смыслѣ выраженія его думъ и чувствъ, на самомъ дѣлѣ громко не высказанныхъ. Автору необходимо было иногда показать не отношеніе только Чацкаго къ обществу, а наоборотъ — и отношеніе этого общества къ Чацкому и къ его мыслямъ, и въ этихъ случаяхъ монологи Чацкаго по необходимости обращены къ дѣйствующимъ лицамъ. Такой характеръ постройки комедіи необходимо долженъ былъ придать ей нѣкоторую искусственность; она дѣйствительно и существуетъ. Но авторъ въ эту форму вложилъ столько страстнаго чувства, съ такою яркостью и правдивостью изобразилъ нравственную физиономію и общества, и протестующаго лица, Чацкаго, что эта внѣшняя „искусственность“, вытекающая изъ осмысленныхъ и страстныхъ стремленій автора ярче выразить глубочайшее содержаніе, совершенно не напоминаетъ о себѣ, давъ, къ сожалѣнію, только важный поводъ къ обвиненію Чацкаго въ недостатокѣ ума, т.-е. къ недостаточному пониманію этого трагическаго лица въ „комедіи русской жизни“.

Главное содержаніе комедіи Грибоѣдова, такимъ образомъ, заключается въ протестѣ противъ направленій русской жизни во времена автора. Всѣ сцены въ пьесѣ состоятъ или въ изображеніи жизненныхъ явленій, характеризующихъ эти направленія, или въ протестующихъ монологахъ Чацкаго. Чтобы нравственный смыслъ комедіи былъ ясенъ, необходимо предположить себѣ то общество, которое нашель Чацкій по своемъ возвращеніи изъ-за границы.

Общество это было своеобразно и характерно, и дѣйствительно могло внушать глубокое негодование. Его умственный

и нравственный склад образовался подъ вліяніемъ двухъ, равно неблагопріятныхъ условій. Отъ старинной русской жизни наслѣдственно и по преданію къ нему перешли грубость и беззаконіе, воспитанныя старымъ подъячествомъ и возросшіе подъ вліяніемъ глубоко проѣвшей всю жизнь татарщины и безусловнаго крѣпостничества. Съ другой стороны, увлеченіе европейскимъ просвѣщеніемъ, т.-е., въ сущности, внѣшними формами европейской образованности, создало другое, не менѣе печальное явленіе—презрительное и нерадивое отношеніе ко всему своему, родному. Въ родномъ старинномъ русскомъ далеко не все было худо, и если произволь и беззаконія были, то, во всякомъ случаѣ, они были не исполненіемъ старинныхъ нравственныхъ правилъ, а противорѣчіемъ имъ. Когда русское общество, отворотившись отъ всего родного, принимало съ Запада внѣшнія формы образованности, оно, конечно, вмѣстѣ со внѣшностью не могло взять и нравственныя основы европейской жизни, и сдѣлалось глубоко безпринципнымъ обществомъ, а потому безнравственнымъ. Въ прошломъ столѣтіи, какъ исторія сохранила въ памяти, въ Россіи совершался безконечный рядъ такихъ жестокостей и ужасовъ со стороны людей высшаго, „образованнаго“ класса, которые прямо указываютъ на безпринципность, на безнравственность, и примѣровъ которыхъ старинная русская жизнь, несмотря на весь свой мракъ, не знала. Въ старину русскіе люди хоть „Бога боялись“, а теперь, подъ вліяніемъ фальшиваго вольнодумства, и это препятствіе къ разгулу личныхъ страстей исчезло. И весь XVIII вѣкъ, со своею внѣшностью европейскаго образованія, былъ тяжкимъ временемъ.

Въ то время, когда писалъ Грибоѣдовъ свое „Горе отъ ума“, еще живо было въ общемъ это страшное зло русской жизни, хотя ростъ истиннаго гуманнаго образованія общества въ это время нѣсколько улучшалъ положеніе дѣлъ. Но все еще грознымъ призракомъ стояло преклоненіе передъ всѣмъ европейскимъ безъ разбора, фальшивая образованность, рядомъ съ господствомъ грубыхъ страстей. Въ такихъ обществахъ развивается чрезмѣрное стремленіе къ земнымъ благамъ, успѣваютъ люди не истинныхъ достоинствъ, а иска-

тельные, льстивые и ловкіе. Все это и проходить передъ глазами Чацкаго въ лицахъ Фамусова, Скалозуба, Молчалива и пр. Въ лицѣ Молчалива мы видимъ примѣръ такого страшнаго извращенія нравственныхъ понятій, что самыя подлыя дѣянія низкопоклонства онъ считаетъ своими достоинствами и не стыдится говорить о нихъ.

Чацкій является олицетвореннымъ протестомъ противъ этихъ внутреннихъ глубокихъ золь русской жизни. Грибоѣдовъ съ геніальной проницательностью угадывалъ, что причины этихъ золь коренятся далеко не въ одномъ отсутствіи въ русскомъ обществѣ „европейскаго просвѣщенія“, какъ тогда думали многіе, и просвѣщеніе это не казалось ему имѣющимъ силу исцѣлять всея язвы, — онъ видѣлъ обратную сторону медали—необходимость нравственныхъ устоевъ. И вотъ онъ одинаково протестуетъ какъ противъ „прошеднаго житія *подлѣйшихъ* чертъ“, такъ и противъ того, что русскіе люди забыли свою „старину *святую*“, и вымѣняли все на иностранный ладъ, на чуждые обычаи, не справляясь о томъ, что хорошо, что дурно. „Какъ можно европейское поставить въ параллель съ національнымъ!“ — вотъ общій крикъ тогдашнихъ людей русскаго общества. Смѣлая проповѣдь самобытности и критическаго отношенія къ „европейскому“, конечно, должна была вызвать протестъ со стороны любителей европейскаго внѣшняго просвѣщенія, на что выше и указано.

Геніальный критикъ Бѣлинскій указывалъ на то, что Грибоѣдовъ не подчинился вліянію Пушкина. Дѣйствительно, геніальный авторъ „Горя отъ ума“ не примкнулъ ни къ какому кружку или направленію, онъ стоитъ одиноко и самостоятельно въ ряду великихъ русскихъ писателей.